

13. Иосиф Ватопедский схимонах Афонские беседы – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iosif_Vatopedskij/afonskie-besedy/1_4_9

14. Исаак иеромон. Житие Паисия Святогорца. – М.: Изд. дом «Святая гора», 2006. – 736 с.

15. Концевич И. Оптиная Пустынь и ее время – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Koncevich/optina-pustyn/17

16. Меркурий (Попов) монах. В горах Кавказа. М.: Паломник, 2011. – 521 с.

17. Паисий Святогорец прп. О молитве. – М.: Изд. дом «Святая гора», 2013. – т.6. – 288 с.

18. Рафаил (Карелин) арх. Беседа об Иисусовой молитве – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Rafail_Karelin/na-puti-iz-vremeni-v-vechnost/29

19. Рафаил (Карелин) арх. Ответ на критику книги «Откровенные рассказы странника» проф. Осиповым – URL: <https://azbyka.ru/sravnenie-praktiki-molitvy-iisusovoj-po-trudam-svyatitelya-ignatiya-bryanchaninova-i-otkrovennym-rasskazam-strannika>.

Носков Владимир Алексеевич

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ ВЛАСТИ

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», г. Белгород, Россия*

Аннотация: В статье исследуется диалектика взаимосвязи «текста» и «подтекста» в понимании власти. «Текст» обозначает проблему эффективности власти, а «подтекст» характеризует проблему религиозного обоснования легитимности власти.

Ключевые слова: власть, господство, политика, религия, текст, подтекст, рационализм, иррационализм, эффективность, легитимность.

Noskov Vladimir Alexeyevich

RELIGIOUS SUBTEXT OF POWER

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Summary: The article explores the dialectics of the relationship between «text» and «subtext» in the understanding of power. «Text» denotes the problem of the effectiveness of power, and «subtext» characterizes the problem of the religious justification of the legitimacy of power.

Keywords: power, domination, politics, religion, text, subtext, rationalism, irrationalism, efficiency, legitimacy.

Как известно, «текст» несет в себе явные смыслы, а «контекст» – неявные смыслы, которые, однако, позволяют дать объемную (не плоскостную!) характеристику изучаемого явления, имея в виду, в частности, то, что олицетворяет собой власть. Поэтому с точки зрения текста правомерен вопрос «Что есть власть?», а с точки зрения контекста – вопрос «Что есть легитимная власть?» В первом случае подразумевается *социологическое* объяснение

власти, а во втором – *религиозное* ее объяснение, поскольку одно дело – констатировать бытие власти, и другое – обозначать претензию власти на роль ключевого регулятора общественной жизни. Иными словами, в первом случае речь идет о *рациональной* трактовке власти, а во втором – об *иррациональной* ее интерпретации.

С рациональной точки зрения «власть – сдобренная цивилизностью, облагороженная способность, порожденная внутренней организованностью, иерархированностью человеческих самопроявлений, которые реализуются в контексте заданных на них отношений побуждения и принуждения, управления и контроля, подчинения и соподчинения, координации и субординации, зависимости, взаимозависимости и полной и частичной независимости, т.е. всего того, в границах, при явном и скрытом, однако активном участии чего разворачивается обмен деятельностью, обработка людьми друг друга» [4, с. 6]. Следовательно, власть в рационалистической интерпретации есть сила, воздействующая на других, утверждающая бытие других.

Однако, данная интерпретация нуждается в дополнении, ибо здесь не учитывается иррациональный фактор – желание и умение власти сделать так, чтобы управляемые считали ее легитимной силой, олицетворяющей справедливость с точки зрения высших, а по сути, религиозных ценностей. Без решения этой проблемы бытие власти будет шатким, неустойчивым, эфемерным. Это подразумевает, что процессы утверждения властью бытия других сопровождаются процессами утверждения бытия самой власти – религиозными по своей сути процессами, ибо, по справедливому замечанию А.Ф. Лосева, «религия есть утверждение себя самого, самого своего существа» [3, с. 92].

В данном случае «утверждение себя самого» есть подведение прочных оснований под существование самой власти, причем, с подчеркиванием ведущей роли в этом процессе *фактора веры* – основы религии. Вопрос, однако, заключается в том, что если основа власти религиозная, т.е. иррациональная, опирающаяся на веру – непререкаемые постулаты, то формы выражения властью необходимости своего существования даны в рациональном ключе, ибо подразумевают определенные доказательства и аргументы. Эту диалектику бытия власти А.И. Демидов объясняет так: «Эффективность же власти зависит от степени включенности в механизм ее действий элементов – представителей внешней (иррациональной) среды» [2, с. 126]. Необходимо лишь уточнить, что «внешнее» в данном случае выступает как «глубинное» (субстанциальное), ибо оно, по большому счету, определяет жизнеспособность власти, делает ее либо легитимной, либо не легитимной силой в глазах общества.

Подобную диалектику взаимосвязи иррационального (легитимного) и рационального (эффективного) обозначил М. Вебер, осуществив это в русле «идеальной типологии» – не погружаясь в эмпирический материал, а исследуя его как бы со стороны, давая трактовку власти вообще, без ее (власти) привязки к конкретной стране или исторической эпохе. По мнению М. Вебера, легитимация власти может идти тремя путями, выступающими как тяготение власти к тому, что есть: 1) «традиционное господство» в лице, например,

патриарха или князя; 2) «харизматическое господство» в лице, например, князя-военачальника или политического партийного вождя; 3) «легальное господство» в лице, например, современного государственного служащего [1, с. 646-647]. Получается, что власть, по М. Веберу, в своих идеальных интенциях вначале формулирует данные постулаты как выражение *религиозной веры*, а затем облакает их в рациональные инструментариумы воздействия на общество – политические программы, планы, намерения и т.д. И все это делается для того, чтобы, власть приобрела право «на *монополию легитимного физического насилия*» [1, 645]. Таким образом, в свете размышлений М. Вебера напрашивается вывод: на уровне «текста» власть есть политика, актуализированная в рамках одного из своих идеальных типов – традиционалистского, харизматического, легистского, акцентированная на решение проблемы эффективного воздействия на общественные процессы; на уровне «подтекста» власть есть религия, соответственно, традиционализма, персонализма (харизмы), легизма, призванная обеспечить доверие к себе со стороны общества в целях решения проблемы легитимации самой власти.

Разумеется, необходимо учитывать, что религиозные подтексты в понимании власти М. Вебером даны в редукционистском ключе, ибо они воплощают мировоззрение Нового времени и последующих исторических эпох с их духом антропоцентризма, но никак не то, что имеет отношение к мировоззренческим установкам Средневековья с их теоцентристской ангажированностью. Иными словами, в концепции М. Вебера религиозные подтексты расшифровывают стремление власти легитимировать себя на основе ее апелляции к этому (имманентному), а не к тому (трансцендентному) миру. «Этот мир» для власти окрашен в социоцентристские и персоноцентристские тона. Соответственно, обозначенные М. Вебером типы власти (господства) – традиционалистский, харизматический, легистский – свое право на существование видят на путях приобщения к *религии человека*, а не к *религии Бога*.

Однако, в данный исторический момент очевидным становится кризис социоцентристской (антропоцентристской) версии религии, поскольку на ее основе легитимация власти определяется доминированием «текущей конъюнктуры», провоцирующей широкое распространение нигилизма в обществе, или того, что олицетворяет «отрицание и непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [5, с. 159]. Поэтому какие версии религиозной легитимации власти станут актуальными, покажет время.

Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия /М. Вебер //Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 644-706.
2. Демидов А.И. Ценностные измерения власти // Полис. – 1996. № 3. С. 121-128.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
4. Философия власти / В.В. Ильин и др. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 271 с.

5. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910. – М.: Мол. Гвардия, 1991. С. 153-184.

Резник Сергей Васильевич

ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВИЕ И ПАЦИФИЗМ НЕ СОВМЕСТИМЫ?

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный

исследовательский университет», г. Белгород, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются отношение православного вероучения к пацифизму, постановке проблем войны и мира, насилия и ненасилия.

Ключевые слова: Насилие, ненасилие, война, мир, пацифизм, Православие.

Reznik Sergey Vasilyevich

WHY ARE ORTHODOXY AND PACIFISM INCOMPATIBLE?

Belgorod State University, Belgorod, Russia

Summary: The article examines the attitude of Orthodox doctrine to pacifism, the formulation of problems of war and peace, violence and nonviolence.

Keywords: Violence, nonviolence, war, peace, pacifism, Orthodoxy.

Обращение к теме отношения Православия к пацифизму продиктовано прежде всего обострением международных отношений и ростом на их фоне вооруженных конфликтов как регионального, так и международного масштаба, а также распространением различного рода пацифистских движений, как религиозной, так и светской направленности, проповедующих идеологию ненасильственного сопротивления ради исчезновения войн и насилия.

Размышления об отношении Православия к пацифизму сразу наталкивают на вопрос о том дозволена ли в Православии применять силу отношении врагов и агрессоров и дозволена ли священнослужителям прибегать к насилию и брать в руки оружие. Широко известным историческим примером применения силы в отношении врагов являются монахи Троице-Сергиева монастыря, прославленные в лике святых, Пересвет и Ослябя. Важными источниками сведений об этих православных воинах являются церковные жития, «Краткая летописная повесть», «Пространная летописная повесть», являющиеся, кроме того, главными источниками по Куликовской битве, а также такие произведения древнерусской литературы, как «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина». Как известно перед Куликовской битвой князь Дмитрий Доской получил благословение игумена Троицкого монастыря преподобного Сергия Радонежского, который по просьбе князя снарядил с ним двух иноков – братьев Пересвета и Ослябю (в крещении Александр и Андрей). По данным источников оба они происходили из боярского рода Брянского княжества и славились своим воинским